Приключения Эмиля из Лённеберги

Автор:
Астрид Линдгрен

Приключения Эмиля из Лённеберги

Астрид Линдгрен

Веселая повесть про Эмиля из Леннеберги, которую написала замечательная шведская писательница Астрид Линдгрен, а на русский язык блистательно пересказала Лилианна Лунгина, полюбилась и взрослым и детям всей планеты. Этот вихрастый мальчуган – ужасный озорник, он и дня не проживет, не напроказничав. Ну кому придет в голову гонять кошку, чтобы проверить, хорошо ли она прыгает?! Или надеть на себя супницу? Или поджечь перо на шляпе у пасторши? Или поймать в крысоловку родного отца, а поросенка накормить пьяными вишнями?..

Астрид Линдгрен

Приключения Эмиля из Лённеберги

ASTRID LINDGREN

Emil i L?nneberga, 1963

Nya hyss av Emil i L?nneberga, 1966

?n lever Emil i L?nneberga, 1970

First published in 1963, 1966, 1970 by Raben & Sj?gren, Sweden.

For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com (http://www.astridlindgren.com/).

All foreign rights are handled by Th e Astrid Lindgren Company, Liding?, Sweden.

For more information, please contact info@astridlindgren.se (mailto:info@astridlindgren.se)

© Text: Astrid Lindgren, 1963, 1966, 1970 / Th e Astrid Lindgren Company

© Лунгина Л. З., наследники, перевод на русский язык, 2019

© Кучеренко Н. В., иллюстрации, 2019

© Оформление, издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Эмиль из Лённеберги

Эмиль из Лённеберги – так все звали одного мальчишку, который жил в этой самой деревне Лённеберге. Был он ужасно озорной и упрямый, не то что ты, верно? Хотя на первый взгляд казался милым и послушным мальчиком, особенно когда спал.

Хочешь, я тебе его опишу? Ясные голубые глаза, круглая мордашка, румяные щёки и копна спутанных волос цвета спелой ржи – ангелок, да и только! Но ты, видно, уже сообразил, что думать так было бы большой ошибкой.

В пять лет он был рослый и крепкий, как молодой бычок. Жил он, как я сказала, в деревне Лённеберге, вернее, не в самой деревне, а на хуторе под названием Катхульт, рядом с Лённебергой, расположенной в округе Смоланд. И выговор у него был самый что ни на есть смоландский, хотя в этом, конечно, его вины не было. Ведь в Смоланде все говорят не так, как в столице. Вот, к примеру, надо Эмилю сказать: «Дайте мне кепку!» – как сказал бы ты или любой другой мальчик, а он говорит: «Где мой кепарик?» Была у него такая суконная кепочка с маленьким козырьком, которую как-то привёз ему из города отец. Как он ей тогда обрадовался! Даже когда спать ложился, требовал: «Где мой кепарик?» Маме, конечно, не нравилось, что он спит в суконной кепке, и она прятала её от него. Но он поднимал такой крик, что слышно было на другом конце Лённеберги: «Где мой кепарик?!»

Недели три, не меньше, не снимал Эмиль эту кепку ни днём ни ночью. Представляешь, во что она превратилась? Зато добился своего: что хотел, то и делал – а это было ему важнее всего.

Однажды под Новый год мама решила во что бы то ни стало заставить его съесть тарелку тушёных бобов – они ведь очень полезные и в них кладут много зелени. Но Эмиль наотрез отказался.

– Ты что, решил вообще не есть зелени?

– Почему? Пожалуйста, хоть сейчас съем, но только настоящую зелень, а не всякое там варево.

И он направился к ёлке, сорвал колючую веточку и принялся её жевать, правда недолго – очень уж иголки язык кололи.

Теперь ты понимаешь, что за упрямый мальчишка был этот Эмиль? Он хотел всеми командовать – и мамой, и папой, и хутором Катхульт, и даже всей Лённебергой! А вот лённебержцы этого почему-то вовсе не хотели.

– Бедняги Свенсоны с хутора Катхульт! – горестно восклицали они. – У них не мальчишка, а сущее наказание! То ли ещё будет, когда он вырастет!..

Глупые, глупые лённебержцы! Если бы они только знали, кем станет Эмиль, когда вырастет, они бы так не причитали! Ведь Эмиль, когда вырос большой, стал ни много ни мало председателем сельской управы. А если ты не знаешь, что такое председатель сельской управы, то могу тебе сказать, что это самый уважаемый человек в округе. И Эмиль этого добился. Вот так-то!

Но это потом, а пока Эмиль был маленьким и жил с мамой и папой на хуторе Катхульт, близ деревни Лённеберги в округе Смоланд.

Папу его звали Антоном Свенсоном, а маму – Альмой Свенсон и была у него ещё маленькая сестрёнка Ида. Кроме Свенсонов, на хуторе жили ещё работник по имени Альфред и работница, которую звали Лина.

В те годы на всех хуторах жили для помощи по хозяйству работники и работницы. Работники пахали землю, ухаживали за лошадьми и быками, косили траву и возили сено, сажали и собирали картошку, а работницы доили коров, мыли посуду, до блеска начищали котлы и кастрюли, нянчили детей и пели песни.

Вот теперь ты знаешь всех жителей хутора Катхульт близ деревни Лённеберги округа Смоланд. Давай-ка их вместе с тобой перечислим: папа Антон, мама Альма, сестрёнка Ида, работник Альфред и работница Лина да ещё две лошади, пара быков, восемь коров, три свиньи, десяток овец, пятнадцать кур, один петух, одна кошка и одна собака. Ну и конечно сам Эмиль.

Катхульт – очень красивый хутор! Дом, выкрашенный в красный цвет, стоит на пригорке, среди яблонь и сиреневых кустов, вокруг раскинулись поля, луга, пастбища, а вдали видны озеро и большой густой лес. Как спокойно и тихо жилось бы в Катхульте, если бы не Эмиль!

– Ну и озорник! – вздыхала Лина. – Никакого сладу нет с этим мальчишкой. Когда сам не озорничает, то с ним непременно что-нибудь да случится. Сроду таких не видала!

Но мама всегда брала Эмиля под защиту:

– Нечего так на мальчика напускаться! Что уж такого страшного? Сегодня он только разок ущипнул Иду да пролил сливки – вот и всё! Подумаешь! Правда, он ещё гонял кошку вокруг курятника… И всё-таки, Лина, он хороший мальчик.

И правда, Эмиль не был злым. Вот уж чего про него никак не скажешь! Он очень любил и Иду, и кошку. Просто он был вынужден ущипнуть сестрёнку, а то она не отдала бы ему бутерброд с вареньем, а кошку он гонял, чтобы проверить, хорошо ли она прыгает в высоту, только и всего!

А эта глупая кошка так и не поняла, что у него самые лучшие намерения, и истошно мяукала.

Итак, 6 марта Эмиль вёл себя прекрасно. Он только один раз ущипнул Иду, немного поиграл с кошкой и пролил перед завтраком сливки. А больше ничего особенного в тот день не произошло.

А теперь я расскажу тебе о других днях из жизни Эмиля, когда случалось куда больше всяких происшествий. Почему, я и сама толком не знаю. То ли Эмиль и вправду не мог удержаться, чтобы не проказничать, как утверждала Лина, то ли он всегда нечаянно попадал в разные истории.

Итак, начнём со…

Вторник, 22 мая,

когда Эмиль угодил головой в супницу

В этот день на обед сварили мясной бульон. Лина перелила его из кастрюли в цветастую супницу. Все уселись за круглый стол и с аппетитом принялись за еду. Эмиль очень любил бульон, поэтому он хлебал громко и торопливо.

– Разве обязательно так хлюпать? – спросила мама.

– Да, – ответил Эмиль. – Иначе никто не будет знать, что я ем суп.

Бульон был очень вкусный, все брали добавку, кто сколько хочет, и в конце концов на дне супницы осталось лишь немного моркови с луком. Этим-то и решил полакомиться Эмиль. Недолго думая он потянулся к супнице, придвинул её к себе и сунул в неё голову. Всем было слышно, как он со свистом всасывает гущу. Когда же Эмиль вылизал дно чуть ли не досуха, он, естественно, захотел вытащить голову из супницы. Но не тут-то было! Супница плотно обхватила его лоб, виски и затылок и не снималась. Эмиль испугался и вскочил со стула. Он стоял посреди кухни с супницей на голове, словно в рыцарском шлеме.
А супница сползала всё ниже и ниже. Сперва под ней скрылись его глаза, потом нос и даже подбородок. Эмиль пытался освободиться, но ничего не выходило. Супница словно приросла к его голове. Тогда он стал кричать благим матом.
А вслед за ним, с перепугу, и Лина. Да и все не на шутку испугались.

– Наша прекрасная супница! – всё твердила Лина. – В чём же я теперь буду подавать суп?

И действительно, раз в супнице застряла голова Эмиля, суп в неё уже не нальёшь. Лина это сразу сообразила. Но мама тревожилась не столько за прекрасную супницу, сколько за голову Эмиля.

– Дорогой Антон, – обратилась мама к папе, – как бы нам половчее вынуть оттуда мальчика? Не разбить ли супницу?

– Этого ещё не хватало! – воскликнул папа Эмиля. – Я же отдал за неё четыре кроны!

– А ну-ка я попробую, – сказал Альфред.

Парень он был сильный и ловкий. Он аккуратно взял супницу за ручки и принялся её трясти, потихоньку поднимая вверх, да зря старался! Только Эмиля поднял на воздух вместе с проклятой супницей. Эмиль орал пуще прежнего и извивался, чувствуя, что пол уходит у него из-под ног.

– Поставь меня на место! – вопил он. – Слышишь, что тебе говорят!

И Альфреду ничего другого не оставалось, как послушаться.

Все в растерянности обступили Эмиля и не знали, что делать.

Какое печальное зрелище! Посреди кухни стоит мальчик с супницей вместо головы, а вокруг него – папа, мама, сестрёнка Ида, Альфред и Лина, и никто не знает, как быть.

– Глядите, он плачет! – воскликнула Ида и указала на две большие капли, стекавшие по шее Эмиля.

– И не думаю! – послышался из супницы глухой голос. – Это бульон!

Понимаешь теперь, что за характер был у этого мальчика? Он и в супнице старался держаться, как всегда, независимо, хотя, поверь, ему было не так уж весело. Ты вот только представь самого себя с супницей на голове, которую никак нельзя снять. Теперь тебе ясно? Бедный, бедный Эмиль! Сможет ли он ещё когда-нибудь сдвинуть на макушку свой кепарик?

И мама снова предложила расколоть супницу – так ей было жалко своего сына.

– Ни за что на свете! – буркнул папа. – Своими руками расколоть предмет стоимостью в четыре кроны! Нет, я ещё с ума не сошёл!.. Давайте-ка лучше поедем к доктору в Марианнелунд. На то он и доктор, чтобы помочь ребёнку. Визит будет стоить три кроны, так что одну крону мы всё же выгадаем.

Мама решила, что предложение это стоящее. Ведь не каждый день удаётся заработать целую крону. Сколько прекрасных вещей можно будет на неё купить!

Например, гостинец маленькой Иде, которая останется дома, когда они поедут в Марианнелунд.

И вот все жители Катхульта засуетились. Надо было переодеть Эмиля в воскресный костюм, надо было отмыть ему руки, да, честно говоря, и уши.

Мама попыталась просунуть палец под супницу, чтобы добраться до Эмилевых ушей, но её палец тоже застрял в супнице.

Тут папа не на шутку рассердился, хотя обычно мало что могло вывести его из себя.

– Я никому не позволю больше застревать в супнице! – грозно заявил он. – А то мне придётся везти в город на приём к врачу весь Катхульт.

Мама послушалась и с трудом вытащила палец из супницы.

– Тебе повезло, сынок, – сказала она, переводя дыхание. – Уши мыть не придётся. – И подула на покрасневший палец.

Из супницы донёсся вздох облегчения:

– Ура! Спасибо тебе, супница. Ты меня выручила!

А тем временем Альфред запряг лошадь и подогнал бричку к крыльцу.

Первым вышел Эмиль. В новом костюме в полоску, в блестящих чёрных башмаках, с прекрасной супницей на голове он выглядел таким нарядным, что душа радовалась. Да, это была поистине прекрасная супница! Вся в ярких цветах, она походила на самую модную шляпу. Удивительно было одно: почему Эмиль надвинул её так низко, что даже лица его не видно? Впрочем, может, такая теперь мода.

Вскоре бричка тронулась.

– Присматривайте за Идой! – крикнула мама на прощание.

Она сидела рядом с папой на переднем сиденье. А всё заднее сиденье занимал Эмиль с супницей вместо головы. Его старый синенький кепарик лежал рядом на подушке. Не ехать же ему домой без головного убора!

Вот какой он, Эмиль, обо всём подумает!

– Что приготовить на ужин?! – крикнула им вдогонку Лина.

– Что хочешь, – ответила мама. – Сама сообрази, у меня голова занята другим!..

– Сварю-ка я мясную лапшу, – решила Лина.

Но в этот миг фаянсовый шар в ярких цветах качнулся над удаляющейся бричкой, и Лина с ужасом вспомнила, что супницы больше нет. Она озабоченно повернулась к маленькой Иде и Альфреду и проговорила упавшим голосом:

– Придётся сегодня поужинать свининой с хлебом.

Эмиль уже несколько раз бывал в Марианнелунде. Он очень любил ехать в бричке и, мерно покачиваясь, глядеть на хутора вдоль дороги, на играющих в усадьбах ребятишек, на собак, хрипло лающих вслед, на лошадей и коров, мирно жующих траву… Но сегодня всё было по-другому. Он сидел в полной темноте и не видел решительно ничего, кроме носков своих новых башмаков, да и то ещё надо было изловчиться и до боли скосить глаза. Поэтому он всё время спрашивал папу: «Где мы едем?.. А сейчас что проехали?.. Блинный хутор?.. А Поросячий уже виден?..»

Пусть тебя не удивляют эти названия. Эмиль дал прозвища всем хуторам. Блинным он назвал хутор потому, что однажды увидел за его оградой двух малышей, уплетавших блины, а Поросячьим – другой хутор в честь очень смешного поросёночка, который как-то раз, когда они ехали мимо, потешно чесал бок о здоровенный камень.

А теперь, с дурацкой супницей на голове, он не видел решительно ничего: ни малышей, ни поросёнка… Что же ему оставалось делать, как не тормошить папу: «А теперь мы где?.. А что ты видишь?.. А далеко ещё до Марианнелунда?..»

В приёмной доктора, когда они вошли, было полным-полно пациентов. Все ожидавшие с сочувствием посмотрели на мальчика с супницей вместо головы.

Они понимали, что произошла беда. Лишь один злой старикашка принялся хохотать и хохотал без устали, будто так уж смешно угодить головой в супницу и застрять в ней.

– Ох-ох-ох! Ах-ах-ах! – не унимался старикашка. – У тебя что, уши мёрзнут?

– Нет, – ответил Эмиль. – Сейчас нет.

– Так на кой же ты нахлобучил этот горшок?

– Чтобы уши не мёрзли, – нашёлся Эмиль. Он хоть ещё и маленький, а за словом в карман не полезет.

Но тут его взяли за руку и повели в кабинет. Доктор не рассмеялся. Он только сказал:

– Здравствуй, молодец. От кого это ты спрятался?

Эмиль не видел доктора, но обернулся на голос, шаркнул, как его учили, ножкой и вежливо наклонил супницу. Раздался грохот, и супница разлетелась на две половинки. Ты спросишь почему? А вот почему: когда Эмиль учтиво наклонил голову, здороваясь с доктором, он со всего маху стукнулся супницей об угол стола. Вот и всё.

– Плакали мои четыре кроны! – горестно шепнул папа на ухо маме.

Но доктор всё же расслышал его слова.

– Что вы, милейший, наоборот, вы выиграли крону. Когда я вынимаю детей из супниц, я беру пять крон, а ваш молодец справился с этим делом без моей помощи.

И представьте себе, папа сразу повеселел. Он даже был благодарен Эмилю, что тот расколотил супницу и тем самым заработал крону. Он поднял половинки с пола, и они все втроём – папа, мама и Эмиль – дружно вышли из кабинета. На улице мама спросила папу:

– Ну а что мы купим на заработанную Эмилем крону?

– Ничего! – ответил папа. – Мы её сбережём! Но мы дадим Эмилю пять эре, чтобы он положил их в свою копилку. Так будет справедливо.

У папы слова никогда не расходились с делом. Он тут же вынул кошелёк, достал монетку и протянул её Эмилю. Представляешь, как тот обрадовался!

Не теряя времени попусту, они сели в бричку и тронулись в обратный путь.

Теперь Эмиль был всем очень доволен: он опять сидел на заднем сиденье, но в кулаке у него была зажата монетка в пять эре, на голове красовалась не супница, а синенький кепарик, и глядел он на что хотел – на детей, на собак, на коров, на деревья у обочины дороги.

Если бы Эмиль был самым обыкновенным мальчиком, с ним бы в этот день уже больше ничего не случилось, но в том-то и штука, что он не был обыкновенным. Вот послушай, что он ещё натворил. Чтоб не потерять монетку, он сунул её за щеку. И в тот самый миг, когда они проезжали мимо хутора, который Эмиль прозвал Поросячьим, до папы с мамой донёсся какой-то странный звук. Это Эмиль проглотил монетку.

– Ой! – воскликнул Эмиль. – До чего она быстро проскочила!

Мама Эмиля снова заволновалась:

– Дорогой, как нам вынуть из мальчика эту монету? Придётся вернуться к доктору.

– Хорошо ты считаешь, нечего сказать! – проворчал папа Эмиля. – Выходит, мы заплатим доктору пять крон, чтобы добыть пять эре. Что у тебя было по арифметике, когда ты ходила в школу?

Эмиль ничуть не огорчился. Он похлопал себя по животу и сказал:

– Я теперь сам стал свиньёй-копилкой. У меня в пузе пятиэровые монетки будут в такой же сохранности, как в свинке. Из неё тоже ничего не вынешь, я не раз пробовал. И кухонным ножом ковырял… Так что знаю.

Но мама не сдавалась. Она настаивала, чтобы они снова повезли Эмиля к доктору.

– Я ведь ничего не сказала, когда он съел все пуговицы от штанов, – убеждала она папу Эмиля. – Но пятиэровая монетка куда несъедобнее, это может плохо кончиться, уж поверь мне!

Она с тревогой глядела на папу Эмиля и так умоляла его повернуть лошадь и поехать в Марианнелунд, что тот в конце концов согласился. Ведь папа Эмиля тоже беспокоился за своего мальчонку.

Запыхавшись, влетели они в кабинет доктора.

– Что случилось? Вы что-нибудь здесь забыли? – удивился доктор.

– Нет, просто Эмиль проглотил пятиэровую монетку, – объяснил папа. – Не согласитесь ли вы сделать ему небольшую операцию… Так кроны за четыре, а? Пятиэровая монетка тоже вам останется.

Но тут Эмиль ткнул папу в спину и завопил:

– Ни за что! Это моя монетка!

Доктор, конечно, и не думал отнимать её у Эмиля. Он объяснил, что никакой операции делать не надо: монетка сама выйдет через несколько дней.

– Тебе хорошо бы съесть штук пять сдобных булочек, – продолжал доктор, – чтобы монетка не скучала в одиночестве и не поцарапала тебе желудок.

Это был очень добрый доктор, и денег за совет он тоже не взял. Папа Эмиля так и сиял. Но мама захотела тут же пойти в булочную фрёкен Андерсон и купить там пять булочек для Эмиля.

– Об этом и речи быть не может, – заявил папа, – у нас дома полно булочек.

Эмиль с минутку подумал. Голова у него работала хорошо, и есть ему тоже хотелось, поэтому он сказал:

– Ведь у меня в животе пятиэровая монетка. Если бы я мог её достать, я сам купил бы себе булочек. – Он опять немного подумал и спросил: – Скажи, папа, ты не мог бы мне одолжить пять эре на несколько дней? Ты их получишь назад, это уж как пить дать!

Папа Эмиля сдался, они пошли в булочную фрёкен Андерсон, купили Эмилю пять круглых, румяных, посыпанных сахарной пудрой булочек, и он сказал, поспешно их уплетая:

– Это лучшее лекарство из всех, какие я принимал в своей жизни.

А папа Эмиля вдруг так развеселился, что совсем голову потерял.

– Мы сегодня заработали немало денег, можем кое-что себе и позволить, – заявил он и недолго думая купил на пять эре карамелек для малышки Иды.

Заметь, что всё это происходило в те далёкие времена, когда дети не берегли зубов, такие они были тогда ещё глупые и неосмотрительные. Теперь дети в Лённеберге больше конфет не едят, зато у них отличные зубы!

Приехав домой на хутор, папа, не сняв даже шляпы и сюртука, тут же склеил супницу. Это было дело нехитрое, потому что раскололась она на две половинки.

Увидев супницу, Лина даже подпрыгнула от радости и крикнула Альфреду, распрягавшему во дворе лошадь:

– Теперь в Катхульте снова будут есть суп!

Легковерная Лина! Она, видно, забыла про Эмиля. В тот вечер Эмиль очень долго играл с сестрёнкой Идой. Он построил для неё на лугу между валунами шалаш. Ей там очень понравилось. Правда, он её разок-другой ущипнул, но ведь ему тоже хотелось карамелек.

Когда стало темнеть, дети пошли домой спать. По дороге они заглянули на кухню: не здесь ли их мама?

Но мамы там не оказалось. Там вообще никого не было. Одна только супница. Она стояла на столе, свежесклеенная и очень красивая. Эмиль и сестрёнка Ида во все глаза глядели на эту удивительную супницу, которая целый день путешествовала.

– Подумай только, она побывала в Марианнелунде, – сказала сестрёнка Ида. А потом спросила: – Скажи, а как это тебе удалось засунуть в неё голову?

– Тут нет ничего хитрого, – ответил Эмиль. – Вот гляди!

В эту минуту в кухню вошла мама. И первое, что она увидела, был Эмиль с супницей на голове. Эмиль делал какие-то дикие движения, пытаясь освободиться, сестрёнка Ида ревела, и Эмиль тоже: несмотря на все усилия, он не мог вытащить голову из супницы, точь-в-точь как тогда.

И тут мама взяла кочергу и так стукнула по супнице, что звон разнёсся по всей Лённеберге. Бам!..

Супница разлетелась вдребезги. Осколки как дождь посыпались на Эмиля.

Папа Эмиля был в овчарне, но, услышав звон, прибежал на кухню.

Он застыл на пороге. Он стоял и молча глядел на Эмиля, на осколки и на кочергу, которую мама всё ещё держала в руке.

Папа Эмиля не сказал ни слова. Он повернулся и пошёл назад, в овчарню.

Да, вот теперь ты примерно представляешь себе, каков был Эмиль. Вся эта история с супницей произошла во вторник, 22 мая. Но может, тебе хочется услышать и про…

Воскресенье, 10 июня,

когда Эмиль поднял на флагшток сестрёнку Иду

В воскресенье, 10 июня, в Катхульте решили устроить пир. Ждали гостей из Лённеберги и из других мест. Мама Эмиля несколько дней готовила угощение.

– Этот пир влетит нам в копеечку! – всё приговаривал папа Эмиля. – Но ничего не попишешь, коли пир, так уж пир горой! Нечего скаредничать. Хотя, пожалуй, биточки можно бы делать и поменьше.

– Я делаю такие биточки, как надо, – сказала мама Эмиля. – Кругленькие и поджаристые.

А ещё она приготовила грудинку, и телячьи отбивные, и селёдочный салат, и маринованную селёдку, и пирожки с яблоками, и копчёного угря, и тушёные овощи, и два огромных сырных пирога, и ещё другой пирог, тоже вкусный, так что гости ничуть не пожалели о долгом пути, проделанном из отдалённых хуторов, чтобы его попробовать.

Эмиль тоже очень любил этот пирог.

И денёк выдался на славу. Солнце сияло, яблони и сирень цвели пышным цветом, воздух дрожал от птичьего щебета. Хутор, раскинувшийся на пригорке, был прекрасен, как мечта. Сад привели в образцовый порядок, а песок на дорожках разровняли граблями. Дом так и сверкал чистотой. Всё как будто было готово к приёму гостей.

– Ой, мы забыли поднять флаг! – воскликнула вдруг мама Эмиля, потому что на хуторах был обычай приветствовать гостей поднятым флагом.

Это было делом папы.

Он тут же кинулся к флагштоку, а за ним побежали Эмиль и сестрёнка Ида. Они хотели посмотреть, как флаг поползёт вверх.

– Надеюсь, праздник наш удастся, – сказала мама Лине, когда они остались одни на кухне.

– Да, конечно. Но может, лучше заранее запереть Эмиля? – предложила Лина.

Мама укоризненно посмотрела на неё, но ничего не ответила.

Лина вскинула голову и проворчала:

– Мне-то что! Сами потом пожалеете.

– Эмиль – прекрасный мальчик, – твёрдо сказала мама Эмиля.

В кухонное окно было видно, как этот прекрасный мальчик бегает по саду, играя со своей маленькой сестрёнкой.

«Просто ангелочки», – подумала мама, залюбовавшись детьми. И в самом деле, Эмиль в полосатом воскресном костюмчике, с кепочкой на непокорных светлых волосах и Ида в новом красном платьице, подпоясанном белым шарфом, выглядели прелестно. Понятно, что мама Эмиля не могла на них глядеть без улыбки. Потом она с беспокойством перевела взгляд на дорогу и сказала:

– Скорее бы Антон поднял флаг. Ведь гости прикатят с минуты на минуту.

Всё шло как по маслу. Но представляешь, какая досада! Как раз в тот момент, когда папа Эмиля закончил все приготовления и можно было поднимать флаг, из коровника прибежал запыхавшийся Альфред, ещё издали крича во весь голос:

– Корова телится! Корова телится!

Конечно, чего ожидать от Бруки? Уж ей обязательно приспичит телиться в тот день, когда ждут гостей и ещё не поднят флаг!

Папа Эмиля, разумеется, тут же помчался в коровник. А Эмиль и Ида остались стоять у флагштока.

Ида задрала голову и стала разглядывать золотой шар на верхушке флагштока.

– Как высоко! – сказала она. – Оттуда, наверно, всё видно до самого Марианнелунда!

Эмиль на мгновение задумался.

– Это мы можем сейчас проверить, – заявил он. – Хочешь, я подыму тебя наверх?

Сестрёнка Ида засмеялась. Как хорошо иметь такого брата, как Эмиль. Он всегда придумывает такие интересные вещи!

– Конечно, я хочу увидеть Марианнелунд! – сказала сестрёнка Ида.

– И увидишь! – заверил её Эмиль.

Он взял крючок, которым прикрепляют флаг, и зацепил его за Идин белый пояс. А потом обеими руками схватился за верёвку, которой подымают флаг.

– Ну, в путь, – сказал он.

– Хи-хи-хи… – рассмеялась в ответ Ида.

И он стал перебирать верёвку руками, но вместо флага вверх поползла Ида. Всё выше и выше, до самой верхушки флагштока. Потом он закрепил верёвку, точь-в-точь как это делал папа, – ведь он не хотел, чтобы Ида соскользнула вниз и ушиблась. И вот она висела в воздухе, как самый настоящий флаг.

– Ты видишь Марианнелунд?! – крикнул Эмиль.

– Нет! – крикнула сестрёнка Ида. – Только Лённебергу!

– А-а, только Лённебергу… Спустить тебя?! – крикнул Эмиль.

– Нет, ещё не надо! – крикнула Ида. – На Лённебергу отсюда тоже интересно смотреть… Ой, гости едут!

И в самом деле, гости так и повалили. Вскоре весь двор был уже запружен колясками и лошадьми, а люди двинулись к дому. Впереди всех шагала важная фру Петрель. Она не поленилась приехать из Виммербю, чтобы отведать пирога мамаши Альмы. Фру Петрель, дородная, величественная, в шляпе с перьями, выглядела как настоящая дама.

Фру Петрель с удовольствием оглядывалась по сторонам. Хутор был сейчас и вправду очень красив: ярко освещённый солнцем дом, окружённый цветущими яблонями и сиренью. И всё выглядело так празднично! Может быть, из-за флага? Да-да, флаг был поднят, это она видела, несмотря на свою близорукость.

Флаг! Вдруг фру Петрель застыла в растерянности. Что творят эти Свенсоны, просто уму непостижимо!

Как раз в эту минуту папа Эмиля вышел наконец из коровника, и фру Петрель крикнула ему с возмущением:

– Как это понять, Антон?! Почему вы подняли не наш шведский флаг, а «датчанина»?

Рядом стоял Эмиль. Он не знал, что это за штука такая – «датчанин».

Он и понятия не имел, что так называется красно-белый флаг Дании – страны, где живут датчане. Зато он хорошо знал, что красно-белое пятно на верхушке флагштока вовсе не «датчанин».

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Эмиль. – Да это же просто сестрёнка Ида!

И сестрёнка Ида, болтаясь наверху, тоже смеялась.

– Хи-хи-хи, это просто я! – крикнула она. – Я вижу всю Лённебергу.

Но папа Эмиля не смеялся. Он тут же опустил Иду вниз, и тогда она сказала:

– Хи-хи, мне ещё ни разу не было так весело, как там, наверху… Разве только когда Эмиль купал меня в морсе.

Она вспомнила вот что: как-то раз Эмиль играл с ней в индейцев и окунул её в огромную лохань с давленой брусникой, чтобы она стала краснокожей, как и положено индейцам.

Да, Эмиль видел, что Ида очень довольна. Однако никто его за это не поблагодарил. Напротив! Папа грубо схватил его за руку и потащил прочь.

– Что я говорила! – воскликнула Лина, когда увидела, что папа тащит Эмиля к сараю. Там его обычно запирали в наказание за шалости.

Эмиль кричал, плакал, протестовал.

– Она ведь сама хотела увидеть Ма… ри… аннелунд! – всхлипывал он.

Эмиль считал в ту минуту, что его папа очень несправедливый человек. Ведь никто никогда не говорил ему, что нельзя показывать Марианнелунд сестрёнке Иде. И не его вина, что дальше Лённеберги она ничего не увидела.

Эмиль плакал, только пока папа не запер за собой дверь сарая. Оставшись один, он сразу утешился. Собственно говоря, сидеть в сарае было совсем не скучно. Тут валялось много чурбачков и дощечек, из которых можно было мастерить разные вещи. Всякий раз, когда Эмиля запирали в сарае после очередной шалости, он вырезал из подходящего брусочка какую-нибудь смешную фигурку. У него их набралось уже пятьдесят четыре штуки и, судя по всему, скоро должно было стать гораздо больше.

– Плевать я хотел на их дурацкий пир, – сказал он себе. – Пусть папа сам подымает флаг, если ему угодно. Вот сделаю сейчас нового человечка, а потом всё время буду злиться.

Но, по правде сказать, Эмиль знал, что его скоро выпустят. Его никогда не запирали в сарай надолго.

«Выходи, но только если ты как следует подумал о том, что ты наделал, – обычно говорил при этом папа. – И смотри, чтоб такое больше не повторялось!»

Ну, в этом Эмиля трудно было упрекнуть – он редко повторял свои шалости, потому что всегда придумывал что-нибудь новенькое.

Итак, он сидел в сарае, резал из чурбачка очередную фигурку и думал о том, как он поднял на флагшток Иду вместо флага. Но оба эти занятия скоро себя исчерпали, потому что человечков он резал умело и быстро, а долго думать было не в его привычке.

Короче, ему захотелось выйти из сарая. Но родители со своими гостями, видно, совсем позабыли про него. Он ждал, ждал со всё возрастающим нетерпением, но никто не приходил. Тогда Эмиль решил, что ему надо как-нибудь выбираться самому.

Может, через окно?

«Наверное, это не так уж трудно», – подумал Эмиль. Правда, окно находилось очень высоко, но он легко добрался до него по сваленным в груду доскам.

Эмиль открыл окно – он хотел из него выпрыгнуть. Но, выглянув, увидел под самым окном заросли крапивы. Прыгать прямо в крапиву ему не улыбалось. Эмиль уже как-то раз это проделал, просто так, чтобы узнать, каково это, и повторять опыт охоты не было.

– Я ведь не сумасшедший, – сказал себе Эмиль. – Найду и другой способ отсюда выбраться.

Если бы ты когда-нибудь побывал на таком хуторе, как Катхульт, ты бы удивился, как тесно там расположены разные хозяйственные постройки. Только войдёшь во двор, сразу хочется играть в прятки.

В Катхульте были не только конюшня, коровник, свинарник, курятник и овчарня, но ещё и множество каких-то амбаров и сарайчиков. Была, например, коптильня, где мама Эмиля коптила колбасы, и прачечная, где Лина стирала бельё. И совсем рядом стояли два сарая: один – дровяной, где был заперт Эмиль, другой – кладовая для продуктов.

По вечерам Эмиль часто играл с сестрёнкой Идой в прятки между всеми этими постройками. Только, конечно, не там, где росла крапива.

Но сейчас Эмиль ни во что не мог играть, потому что был заперт и не решался выпрыгнуть в окно из-за зарослей крапивы.

Эмиль задумался, потом ещё раз огляделся. И тут он заметил, что окно в кладовой открыто. Ему сразу пришла в голову хорошая мысль: просунуть доску между окнами, это нетрудно, а по ней он проберётся в кладовую. Право же, он устал сидеть в дровяном сарае, да к тому же и здорово проголодался.

Эмиль не из тех, кто долго раздумывает. Вмиг доска лежала как надо, и Эмиль пополз. Ему было, честно говоря, довольно страшно: доска оказалась слишком узкой, а он сам – слишком тяжёлым.

– Если не упаду, отдам моего петрушку Иде, честное слово, – прошептал Эмиль, стараясь удержать равновесие.

Доска трещала и прогибалась, а когда он поглядел вниз и увидел высокую крапиву, то испугался и покачнулся.

– Помогите! – крикнул Эмиль, теряя равновесие.

Он повис на руках и, казалось, вот-вот сорвётся прямо в крапиву, но в последнее мгновение ему всё же удалось обхватить доску ногами и кое-как снова на неё взобраться. Он пополз дальше и уже без особого труда добрался до кладовой.

– Да это легче лёгкого! – произнёс Эмиль с некоторой досадой. – Но всё же я отдам, конечно, моего петрушку Иде… скорее всего, отдам… но только не сегодня. Он всё равно уже обтрепался… Ну я ещё успею это решить!

Он с силой толкнул доску, она исчезла в окне дровяного сарая и с грохотом свалилась на остальные доски. Эмиль был очень доволен собой – во всём должен быть порядок. Он кинулся к двери – она оказалась запертой.

– Так я и думал! – вздохнул Эмиль. – Но скоро они придут, чтобы взять ещё колбасы, и тогда я вылечу отсюда пулей.

Эмиль принюхался. В кладовой так вкусно пахло! Он огляделся. Вот это да! Сколько здесь всякой еды! Под потолком висят копчёные окорока, в углу – ларь для хлеба, полный румяных караваев, а рядом – стол, уставленный жёлтыми сырами и глиняными крынками со свежесбитым маслом. За столом – деревянный чан с солёной свининой и огромный шкаф, куда мама ставит бутылки с малиновым сиропом, банки с маринованными огурцами, с грушевым джемом и земляничным вареньем. А на средней полке лежат домашние колбасы.

Эмиль любил колбасу, что правда, то правда.

Пир на хуторе был в полном разгаре. Гости уже выпили кофе со сдобными булочками. Теперь они сидели и ждали, пока снова проголодаются, чтобы приняться за грудинку, за селёдочный салат и за всё остальное, что им приготовили.

И вдруг мама Эмиля воскликнула:

– Ой, да мы ведь забыли про Эмиля! Он уже так давно сидит взаперти!

Папа побежал в сарай, а сестрёнка Ида помчалась вслед за ним.

– Ну, Эмиль, можешь выходить! – крикнул папа и широко распахнул дверь сарая.

Представляешь, как он был поражён: Эмиля в дровяном сарае не было!

– Он удрал через окно, негодник! – решил папа Эмиля.

Но, когда он выглянул в окно и увидел внизу высокие заросли несмятой крапивы, он не на шутку испугался.

– Ума не приложу, куда он делся! – воскликнул папа. – Здесь нет никаких следов! Здесь явно не ступала нога человека!

Сестрёнка Ида тут же разревелась. Что случилось с Эмилем? Лина часто пела одну очень печальную песню. Про девочку, которая превратилась в белую голубку и улетела на небо, чтобы не сидеть в том ужасном подвале, куда её заперли. Эмиля ведь тоже заперли, кто знает, может, он тоже превратился в какую-нибудь птицу и улетел! Сестрёнка Ида стала оглядываться по сторонам, не видно ли где голубя. Но кроме рябой курицы, которая, поклёвывая, ходила перед сараем, никакой птицы поблизости не было.

Сестрёнка Ида заревела громче прежнего и указала на курицу.

– Может быть, это Эмиль, – проговорила она сквозь слёзы.

Папа Эмиля, конечно, так не думал. Но всё же на всякий случай он побежал к маме Эмиля – спросить, не замечала ли она, что Эмиль умеет летать.

Нет, этого она никогда не замечала.

На хуторе начался переполох. Пир пришлось прервать. Все гости высыпали во двор искать Эмиля.

– Он должен быть в дровяном сарае, сам понимаешь, – сказала мама Эмиля папе Эмиля, и тогда все бросились в сарай, чтобы найти его общими усилиями.

Но, как они ни искали, обнаружить Эмиля в сарае им так и не удалось. Зато все увидели на полке пятьдесят пять выстроенных в ряд деревянных человечков. Фру Петрель никогда не видела так много разных фигурок, собранных вместе, и пожелала узнать, кто их сделал.

– Не кто иной, как наш милый Эмиль, – сказала мама Эмиля и заплакала. – Он был редкий мальчик.

– Редкий – это верно, – сказала Лина и покачала головой. А потом добавила: – Надо бы поглядеть, нет ли его в кладовой.

Это была совсем неглупая мысль, даже удивительно, что она пришла в голову Лине. Все устремились в кладовую. Но и там Эмиля не было.

Сестрёнка Ида безутешно плакала, а когда никто на неё не смотрел, она подбегала к рябой курице и шептала:

– Не улетай от нас, Эмильчик! Я буду приносить тебе столько проса, сколько захочешь, только не улетай, оставайся у нас на хуторе.

Но курица ничего не обещала. Кудахтая, она пошла своей дорогой.

Эмиля искали, искали повсюду, все просто выбились из сил. Но ни в дровяном сарае, ни в прачечной, ни на конюшне, ни в коровнике, ни в свинарнике его не было. Нигде его не было. И в овчарню ходили, и в курятник, и в коптильню, и в пивоварню… Нет Эмиля, да и всё тут! С отчаяния заглянули даже в колодец. Но и там его, к счастью, тоже не было. Однако теперь уже все стали плакать!
И гости из Лённеберги шептали друг другу:

– Эмиль был прекрасным мальчиком. Просто прекрасным!

– Может, он свалился в речку? – сказала Лина.

Речка в Катхульте была бурная, с омутами, и маленькие дети могли в ней легко утонуть.

– Ему запретили ходить на речку, ты же это знаешь, – строго сказала мама Эмиля.

Лина тряхнула головой:

– Ну да, вот потому-то он и пошёл туда!

Все побежали на речку. К счастью, и там никаких следов Эмиля не обнаружили, но все плакали теперь горше прежнего. А мама-то надеялась, что пир удастся на славу! Больше негде было искать Эмиля.

– Что же нам делать? – в отчаянии спросила мама.

– Прежде всего необходимо подкрепиться, – решил папа Эмиля, и он был прав, потому что за время поисков гости успели изрядно проголодаться.

Мама Эмиля стала накрывать на стол. Пока она несла селёдочный салат, она успела облить его слезами, но всё же и он занял своё место рядом с телячьими отбивными, копчёной грудинкой, сырными пирогами и другими блюдами. У фру Петрель тут же слюнки потекли – всё выглядело так аппетитно, прямо глаза разбегались. Вот только её любимой домашней колбасы что-то не видно… Это её

сильно расстроило. Но тут мама Эмиля сама спохватилась:

– Лина, да мы же про колбасу забыли! Сбегай-ка поскорее за ней в кладовую!

Лина побежала. Все стали с нетерпением ждать её возвращения, а фру Петрель одобрительно закивала.

– Да, колбаса – это хорошо! – сказала она. – При таких волнениях она просто необходима!

Но Лина вернулась без колбасы.

– Идите все со мной, сейчас я вам такое покажу…

При этом вид у неё был какой-то чудной. Но с ней это случалось, так что не стоило на это обращать внимания.

– Что ещё за глупости ты придумала? – строго спросила мама Эмиля.

Лина захихикала.

– Идите все со мной, – повторила она.

И все пошли. Все, кто был на пиру в Катхульте. Лина шествовала впереди, а остальные шагали за ней гуськом. И всю дорогу до кладовой все слышали, что она как-то чудно? хихикает. Она распахнула тяжёлую дверь и переступила через высокий порог кладовой. Все последовали за ней.

В кладовой она остановилась перед большим шкафом, с усмешкой раскрыла его дверцы и указала на среднюю полку, где мама Эмиля обычно хранила колбасу.

Колбасы там не было. Зато там был Эмиль. Он спал. Он лежал на горе колбасных шкурок и спал, и его мама была этому так рада, что можно было подумать, она нашла в шкафу золотой слиток. Не важно, что Эмиль съел всю колбасу! Маме в миллион раз приятнее было увидеть на полке Эмиля, чем несколько килограммов колбасы. Да и папе тоже.

– Вон лежит Эмиль! – пропищала сестрёнка Ида. – Он не превратился в курицу… Пока ещё…

Подумать только, что мальчик, до отказа набитый колбасой, может сделать стольких людей счастливыми! Так что в конце концов пир всё же удался на славу. Мама Эмиля нашла на полке под шкурками маленький кусочек колбасы, который Эмиль, видно, не заметил. Его получила, к великой своей радости, фру Петрель. И все остальные, хоть и остались без колбасы, не уехали с хутора голодными. Они ели грудинку, телячьи отбивные, биточки, маринованную селёдку, селёдочный салат, тушёные овощи, пудинги, копчёного угря, и всего этого – до отвала.

Наступил вечер, но было не темно – голубые сумерки окутали Лённебергу и весь Смоланд. Папа Эмиля спустил флаг на флагштоке. А рядом стояли Эмиль и сестрёнка Ида и глядели, как он ползёт вниз.

Пир кончился. Все стали разъезжаться по домам. Последней уехала в своей бричке фру Петрель. Эмиль и сестрёнка Ида ещё долго слышали стук копыт её лошади.

– Надеюсь, она обрадуется моему крысёнку, – задумчиво сказал Эмиль.

– Какому крысёнку? – удивилась Ида.

– Тому, которого я сунул ей в сумку, – объяснил Эмиль.

– Зачем ты это сделал? – спросила сестрёнка Ида.

– Пожалел его, – сказал Эмиль. – За всю свою жизнь он только и видел, что шкаф с колбасой. Я решил, что ему пора увидеть мир.

– Ты думаешь, фру Петрель ему обрадуется? – с сомнением спросила сестрёнка Ида.

– Ещё бы! – заверил её Эмиль.

Итак, 10 июня Эмиль поднял на флагшток сестрёнку Иду и съел всю колбасу, приготовленную для гостей. Но может, тебе хочется знать, что произошло в…

Воскресенье, 8 июля,

когда Эмиль…

Альфред очень любил детей. Особенно Эмиля. Эмиль много шалил и был озорником, но Альфреда это не огорчало. Он смастерил Эмилю прекрасное деревянное ружьё, точь-в-точь как настоящее, но только, конечно, оно не стреляло. А всё-таки Эмиль целился, кричал «бах, бах», и воробьи до того пугались, что по нескольку дней не залетали на хутор. Эмиль так любил своё ружьё, что без него не ложился в постель. «Где мой ружарик?!» – кричал он и сердился, когда мама по ошибке приносила ему вместо ружарика кепарик. «Да не кепарик! Ружарик! Без него спать не буду». И выходило по-его.

Да, что и говорить, Эмиль любил своё ружьё, но ещё больше ружья он любил Альфреда, который смастерил ему это ружьё. Поэтому неудивительно, что Эмиль плакал, когда Альфред отправился в Хультсфред на военные сборы. Ты, может, не знаешь, что такое военные сборы? Это специальные занятия, на которых учат воевать. Все парни из Лённеберги и со всех остальных деревень проходили такие сборы, чтобы потом, если надо будет, стать солдатами.

– Как нарочно, сборы назначили на те дни, когда нам сено возить, – ворчал папа Эмиля.

Он был недоволен, что Альфреда не будет на хуторе во время сенокоса. Но, к сожалению, не папа Эмиля, а король и генералы решали, когда парням из Лённеберги отправляться в Хультсфред, чтобы стать солдатами.

Конечно, как только обучение закончится – а в те далёкие годы оно длилось недолго, – Альфреда отпустят домой. Так что настоящей причины для слёз у Эмиля не было. Но всё же он плакал. Лина тоже плакала. Ведь не один Эмиль любил Альфреда.

Сам Альфред не плакал. Он с радостью ехал в Хультсфред – там всегда можно здорово повеселиться. И когда бричка тронулась, он усмехнулся и запел, чтобы утешить остающихся.

Но что? он пел, они так и не расслышали, потому что Лина заревела в голос, да и бричка вскоре исчезла за поворотом дороги.

Мама Эмиля попыталась утешить Лину.

– Не огорчайся, Лина, – сказала она. – Потерпи немного, восьмого июля в Хультсфреде будет праздник, мы с тобой туда съездим, вот и повидаешься с Альфредом.

– Я тоже хочу поехать в Хультсфред! – сказал Эмиль. – Я тоже хочу повеселиться и повидать Альфреда!

– И я тоже, – сказала сестрёнка Ида.

Но мама Эмиля покачала головой.

– В Хультсфреде детям делать нечего, – сказала она. – Там будет страшная толчея, вас совсем затолкают.

– А я люблю толчею! Я люблю, чтоб меня толкали, – заявил Эмиль, но это не помогло.

Восьмого июля утром папа и мама Эмиля поехали вместе с Линой на праздник в Хультсфред, а Эмиля и сестрёнку Иду оставили дома под присмотром Крёсе-

Майи. Так звали старушку, которая приходила на хутор помогать по хозяйству.

Сестрёнка Ида была милой девочкой. Она тут же села к Крёсе-Майе на колени, и та принялась рассказывать ей одну из своих любимых историй про привидения. Ида слушала, затаив дыхание, и была очень довольна.

Но Эмиль не был доволен. Он побежал к конюшне, захватив с собой своё ружьё. Он был так зол, что мог только шипеть.

– Нет, так я не согласен, – шипел Эмиль. – Я тоже хочу поехать в Хультсфред и веселиться, как и все. И поеду, вот увидишь, Юлан!

Эти слова были обращены к старой кобыле, которая паслась на лугу за конюшней. На хуторе была и молодая лошадь, её звали Маркус. Маркус и вёз сейчас папу Эмиля, его маму и Лину в Хультсфред. Да-да, дело ясное, они хотят повеселиться без него.

– Но я знаю, кто помчится вдогонку, да так, что ветер в ушах засвистит, – шипел Эмиль. – Мы с тобой, Юлан!

Сказано – сделано. Эмиль надел на лошадь уздечку и увёл её с луга.

– Бояться тут нечего, – продолжал он свой разговор с лошадью. – Альфред будет мне только рад, а ты тоже, наверное, найдёшь там какую-нибудь милую старую клячу и приятно скоротаешь время: постоите рядышком и поржёте.

Он подвёл Юлан к калитке, а сам влез на калитку – иначе ему ни за что бы не сесть на лошадь. Вот какой наш Эмиль был хитрый!

– В путь! – воскликнул Эмиль. – Хоп-хоп, поскакали! А с Крёсе-Майей мы попрощаемся, когда вернёмся домой.

И Юлан с Эмилем на спине затрусила по дороге. Он держался очень прямо, и вид у него был весьма боевой – с ружьём на изготовку. Да-да, ружьё он, конечно, взял с собой, ну как же ехать в Хультсфред без ружья? Раз Альфред теперь стал солдатом, значит, и Эмиль солдат. Так, во всяком случае, он думал. У Альфреда винтовка, а у Эмиля ружарик, это почти одно и то же, оба они солдаты, это ясно.

Юлан была стара. Быстро скакать она уже не могла, она еле передвигала ногами, и, чтобы её подбодрить, Эмиль даже запел. Где рысцой, где шагом, но в конце концов Юлан всё же добралась до места.

– Ура! – закричал Эмиль. – Теперь мы повеселимся!

Но, оглядевшись по сторонам, он остолбенел. Конечно, он знал, что на свете много людей, но он и представить себе не мог, что все они захотят собраться здесь, в Хультсфреде. В жизни он не видел такой толпы! Все стояли вокруг большого поля, на котором маршировали солдаты. Они подымали винтовки к плечу, поворачивались то направо, то налево – короче, делали всё, что обычно делают солдаты. Толстый злой старик скакал верхом вокруг них, кричал, отдавал какие-то команды, а солдаты почему-то позволяли ему шуметь и беспрекословно выполняли всё, что он требовал. Эмиля это очень удивило.

– Разве здесь не Альфред всем командует? – спросил он у стоящих поблизости деревенских мальчишек. Но они глядели на солдат и ничего ему не ответили.

Сперва Эмилю было тоже интересно смотреть, как солдаты подымают винтовки к плечу, но вскоре это ему надоело. Ему захотелось увидеть Альфреда, ведь он для того сюда и приехал. Но на всех солдатах была одинаковая синяя форма, и все они были похожи друг на друга как братья-близнецы. Узнать Альфреда в строю было нелегко.

– Погоди, Альфред сам меня увидит, – объяснил Эмиль лошади, – и сразу ко мне подбежит. А этот злой старикан пусть командует сколько хочет.

И чтобы Альфред его поскорее заметил, Эмиль подъехал вплотную к марширующим солдатам и крикнул во всё горло:

– Альфред! Где ты? Выходи, повеселимся вместе! Ты что, меня не видишь?

Конечно, Альфред увидел Эмиля, Эмиля с его кепариком и ружариком, верхом на старой кобыле. Но Альфред стоял в строю и не смел из него выйти – видно, боялся толстого злого старика, который всё кричал и командовал.

Зато сам толстый старикан подъехал к Эмилю и ласково спросил его:

– Что случилось, малыш? Ты потерялся? Ищешь маму и папу?

Ничего более глупого Эмиль давно уже не слыхал.

– Вовсе я не потерялся, – огрызнулся он. – Я ведь здесь. А уж если кто потерялся, то скорее мама и папа.

И Эмиль был прав. Мама говорила, что дети могут потеряться в Хультсфреде во время военных учений. Но теперь она сама оказалась вместе с папой Эмиля и Линой в такой чудовищной толчее, что невозможно было сдвинуться с места. А значит, они всё равно что потерялись.

Они, конечно, сразу сообразили: мальчик на старой кобыле с кепариком на голове и ружариком в руке не кто иной, как их Эмиль. И папа Эмиля сказал:

– Придётся Эмилю вырезать ещё одного деревянного человечка.

– Конечно, – согласилась мама. – Но как нам до него добраться?

И в самом деле, как добраться? Если тебе когда-нибудь случалось бывать на таком вот военном празднике, как в Хультсфреде, ты знаешь, какое там столпотворение. Как только солдаты кончили упражняться и куда-то строем ушли, всё огромное поле вмиг заполнилось толпой. Давка была такая, что самого себя потеряешь, а уж Эмиля не найдёшь и подавно. Добраться до него пытались не только папа и мама, но и Альфред. Теперь он был свободен и хотел повеселиться вместе с Эмилем. Но куда там! Почти все проталкивались в толпе и кого-то искали. Альфред искал Эмиля, Эмиль – Альфреда, мама Эмиля искала

Эмиля, Лина – Альфреда, а папа Эмиля искал маму, потому что она и в самом деле потерялась, и папа битых два часа провёл в поисках, пока случайно на неё не наткнулся.

Но Эмиля так никто и не нашёл, и он никого не нашёл. И тогда он понял, что придётся ему веселиться в одиночку, а то он вообще всё пропустит.

Прежде всего ему надо позаботиться о Юлан: ведь он обещал найти ей какую-нибудь старую клячу, чтобы они постояли рядышком и поржали. Она не должна скучать, пока он будет развлекаться!

Но как Эмиль ни старался, он так и не нашёл для Юлан старой клячи. Зато он нашёл Маркуса, а это было ещё лучше. Маркус, привязанный к дереву, мирно жевал сено на опушке леса. А рядом стояла их старая бричка – Эмиль её сразу узнал. Юлан очень обрадовалась встрече с Маркусом – это сразу было видно. Эмиль привязал её к тому же дереву и достал ей из брички охапку сена. В те времена, отправляясь куда-нибудь на лошади, всегда брали с собой сено. Юлан тут же принялась жевать, и тогда Эмиль понял, что и он голоден.

«Но есть сено что-то не хочется», – подумал Эмиль.

Да в этом и нужды не было. Вокруг стояло множество палаток и ларьков, в которых можно купить сколько хочешь бутербродов, колбасы, булочек и пряников. Конечно, если у тебя есть деньги.

А тех, кто хотел повеселиться, ожидали всевозможные увлекательные развлечения: цирк, танцплощадка, карусель, аттракционы – всего и не перечислишь… Представляешь, там был даже шпагоглотатель, который глотал настоящие шпаги, и огнеглотатель, который глотал пламя, и роскошная дама с большой бородой, которая, правда, ничего не глотала, кроме кофе с булочкой, и этим она, конечно, ничего не смогла бы заработать, если б, к её счастью, у неё не росла борода. Она показывала её за деньги, а желающих посмотреть на это чудо было хоть отбавляй.

На Хультсфредском поле за всё надо было платить деньги, а у Эмиля денег не было.

Но зато он был очень предприимчив, это я тебе уже говорила, и хотел всё посмотреть. Начал он с цирка, потому что это оказалось самым простым. Он притащил валявшийся неподалёку пустой ящик и поставил его вплотную к брезентовой стенке цирка шапито. Потом забрался на ящик и стал глядеть в дырку. Но он так хохотал над клоуном, который бегал по арене, веселя публику, что упал с ящика и ударился головой о камень. После этого ему сразу расхотелось смотреть цирк, да к тому же он ещё больше проголодался.

«Нельзя веселиться на пустой желудок, – решил Эмиль. – А без денег еды не добудешь. Надо что-то придумать».

Он заметил, что на Хультсфредском поле можно зарабатывать деньги самым удивительным образом. Значит, и ему нечего теряться. Огонь и шпаги он глотать не умеет, бороды у него нет… Что бы такое ему сделать?

Он стоял и думал. И тут взгляд его упал на слепого старика, который сидел на ящике и пел печальные песни. Старик положил шапку прямо на землю, и добрые люди кидали туда мелкие монетки.

«Вот это и я могу, – подумал Эмиль. – К счастью, у меня есть кепарик».

Он положил свою кепку на землю и громко запел: «Мой конь ускакал…»

Вокруг него тут же собралась толпа.

– Ах, какой чудный мальчик! – говорили люди.

В те далёкие времена было много бедных детей, которым нечего было есть. Поэтому какая-то сердобольная женщина подошла к Эмилю и спросила:

– Тебе сегодня нечего есть, дружок?

– У меня было только сено, – чистосердечно ответил Эмиль.

Все присутствующие его пожалели, а крестьянин из Вена даже прослезился, глядя на бедного одинокого мальчика, который стоял в толпе и пел.

Все бросали в кепарик Эмиля двухэровые и пятиэровые монетки. А кто и десятиэровые. Плачущий крестьянин из Вена тоже достал два эре из кармана брюк, но вовремя одумался, сунул деньги обратно в карман и сказал Эмилю:

– Пойдём со мной к моей телеге, я дам тебе ещё сена.

Но Эмиль был теперь богат, его кепка была полна монеток. Он подошёл к первой попавшейся палатке и купил себе гору бутербродов, булочек и пряников. И ещё стакан сока. А когда со всем этим справился, то сорок два раза прокатился на карусели. Он никогда не катался на карусели и даже не подозревал, что на свете есть такая замечательная штука.

«Ну, я времени зря не теряю», – думал Эмиль, восседая на деревянном коне. Карусель кружилась так быстро, что его волосы развевались на ветру. Кататься на карусели – самое весёлое дело в мире!

Потом он посмотрел на шпагоглотателя, на огнеглотателя и на бородатую даму. И после всего этого у него осталось только два эре.

«Можно бы спеть ещё песенку, и мой кепарик опять наполнится монетками, – подумал Эмиль. – Здесь все такие добрые». Но петь ему уже не хотелось, а деньги были больше не нужны… Оставшиеся два эре он тут же отдал слепому и решил снова пойти искать Альфреда.

Эмиль думал, что все люди добрые, но он ошибался. Иногда люди бывают и злые, и некоторые из них приехали в тот день на военный праздник в Хультсфред. В те годы в Смоланде хозяйничал опасный вор. Звали его Ворон, и этого Ворона боялись во всей округе. О его проделках часто писали в местных газетах. Он не пропускал ни одного праздника, ярмарки или базара – везде, где собирался народ с деньгами, он был тут как тут и крал всё, что плохо лежало. Чтобы его не узнали, он всякий раз наклеивал себе другие усы и бороду. Приехал он и на Хультсфредское поле и рыскал повсюду, выглядывая, что бы такое украсть. Из-за чёрных усов и широкополой шляпы его никто не узнавал, и это хорошо, а то бы все перепугались.

Но будь Ворон поумнее, он не приехал бы на Хультсфредское поле в тот день, когда туда прискакал Эмиль из Лённеберги со своим ружариком. Ты только послушай, что получилось!

Эмиль обходил все балаганы и внимательно смотрел по сторонам, не теряя надежды найти Альфреда. Так он снова оказался у палатки бородатой дамы. Он заглянул в палатку и увидел, что дама считает деньги. Ей, конечно, хотелось узнать, сколько она получила за свою бороду в это счастливое воскресенье.

Сумма, видно, была немалая, потому что она усмехнулась и радостно погладила свою бороду. И тут она увидела Эмиля.

– Заходи, малыш! – крикнула она. – Ты такой славный мальчуган, можешь бесплатно посмотреть на меня.

Эмиль уже видел её бороду, но не хотел быть невежливым. Он вошёл в палатку со своим кепариком на голове и ружариком в руке и долго-долго глядел на бороду дамы – примерно на двадцать пять эре.

– Как отрастить такую красивую бороду? – спросил он.

Но бородатая дама ему не ответила, потому что в этот момент кто-то произнёс глухим голосом:

– Отдавай деньги, не то я срежу тебе бороду!

Это был Ворон. Они не заметили, как он прокрался в палатку.

Бородатая дама побледнела как полотно – конечно, побледнела только та часть лица, где не было бороды. Бедняжка уже протянула было всю выручку Ворону, но тут Эмиль сунул ей в руки свой ружарик.

– Защищайся! – крикнул он.

И бородатая дама схватила ружьё. В полутьме палатки было трудно что-либо разглядеть, и дама решила, что Эмиль дал ей настоящее ружьё, такое, которое

стреляет. И что самое удивительное… Ворон тоже так подумал!

– Руки вверх, не то стрелять буду! – крикнула бородатая дама.

И тут уж настал черёд Ворона побледнеть как полотно, и он поднял руки. Он стоял и дрожал, а бородатая дама так громко звала полицию, что голос её разнёсся по всему Хультсфредскому полю.

Полицейские прибежали, и с тех пор Ворона никто никогда не видел, а во всём Смоланде не было больше ни одной кражи. О бородатой даме, поймавшей Ворона, много писали во всех газетах. Но никто ни строчки не написал об Эмиле и о его ружарике. Вот я и думаю, что давно пора рассказать, как всё было на самом деле.

– Здорово, что я взял с собой в Хультсфред кепарик и ружарик! – сказал Эмиль, когда полицейские повели Ворона в участок.

– Да, ты смелый мальчик, – сказала бородатая дама. – В награду можешь смотреть на мою бороду сколько твоей душе угодно.

Но Эмиль устал. Он больше не хотел ни смотреть на бороду, ни развлекаться. Он хотел только спать. К тому же начало темнеть. Подумать только, как быстро прошёл целый длинный день… А он так и не увидел Альфреда!

Папа и мама Эмиля и Лина тоже устали. Они так долго искали друг друга и Эмиля, а Лина так долго искала Альфреда, что теперь никто из них не мог больше никого искать.

– Ой, как ноги болят! – сказала мама Эмиля, и папа сочувственно кивнул.

– Да, забавно побывать на таком празднике, – сказал он. – А теперь лучшее, что мы можем сделать, – это поехать домой.

И они поплелись на опушку леса, чтобы запрячь лошадь и поскорее вернуться на хутор. Подойдя поближе, они увидели, что к тому дереву, к которому они привязали Маркуса, привязана и их старая кобыла. Обе лошади мирно жевали сено.

Мама Эмиля заплакала.

– Где же ты, мой малыш! – причитала она. – Где же ты, мой Эмиль!

Но Лина покачала головой.

– Этот мальчик не пропадёт… – заявила она. – Озорник он, и всё тут! Только и делает, что шалит.

Вдруг они услышали, что к ним кто-то бежит. Это оказался Альфред.

– Где Эмиль? – спросил он, с трудом переводя дух. – Я всё обегал. Весь день его ищу.

– А я и знать не хочу, где он, – обиженно сказала Лина и полезла в бричку, чтобы ехать домой.

И представь себе, она чуть не наступила на Эмиля. В бричке лежало сено и, зарывшись в него, спал Эмиль. Но он тут же проснулся и увидел, кто стоит у брички в красивой синей форме, всё ещё не отдышавшись от быстрого бега. Эмиль протянул руку и обнял Альфреда за шею.

– Это ты, Альфред! – радостно проговорил он и тут же снова заснул.

А потом все жители хутора поехали домой, в Катхульт. Маркус бодро бежал рысью, а Юлан поспевала, как могла, – её привязали сзади к коляске. Эмиль снова проснулся и увидел тёмный лес и светлое летнее небо, он вдохнул запах сена и лошади и услышал топот копыт и скрип колёс. Но почти всю дорогу он проспал, и ему приснилось, что Альфред скоро вернётся домой, в Катхульт, к Эмилю. Так оно и случилось.

Итак, Эмиль веселился на Хультсфредском поле 8 июля. Догадайся, искал ли ещё кто-нибудь Эмиля весь этот день? А если не догадался, то спроси Крёсе-

Майю! Впрочем, нет, лучше не спрашивай, потому что она покрывается красными пятнами, когда с ней об этом заговаривают.

Теперь ты знаешь, что натворил Эмиль 7 марта, и 22 мая, и 10 июня, и 8 июля. Но для тех, кому охота проказничать, есть и другие дни в календаре, а Эмилю всегда охота проказничать. Он шалит почти каждый день весь год напролёт, но особенно надо отметить 9 августа, 11 октября и 3 ноября. Ха-ха-ха, не могу удержаться от смеха, когда подумаю о том, что он выкинул 3 ноября, но рассказывать не стану, потому что обещала маме Эмиля молчать. Хотя именно после этого в Лённеберге стали собирать деньги. Все жители деревни до того жалели Свенсонов с хутора Катхульт из-за их озорника мальчишки, что никто из них не отказался дать по пятьдесят эре. Собранные деньги завязали в узелок и принесли маме Эмиля со словами: «Может, тут хватит денег, чтобы отправить вашего Эмиля в Америку?»

Хорошенькое дело! Отправить Эмиля в Америку… А кто тогда стал бы у них председателем сельской управы? Конечно, через много лет…

К счастью, мама Эмиля не согласилась на такое глупое предложение. Она очень рассердилась и в гневе швырнула узелок с деньгами в окно, да так, что монетки разлетелись по всей Лённеберге.

– Эмиль прекрасный мальчик, – твёрдо сказала она. – И мы любим его таким, какой он есть!..

И всё же мама была не спокойна за своего Эмиля. Так обычно бывает с мамами, когда люди приходят к ним с жалобами на их ребёнка. И вечером, когда Эмиль уже лежал в постели со своим кепариком и ружариком, она села на край его кровати.

– Эмиль, – сказала она, – скоро ты уже пойдёшь в школу. Что же с тобой будет? Ведь ты такой озорник, только и делаешь, что проказничаешь…

Эмиль лежал и улыбался, а большие голубые глаза так и сверкали из-под копны светлых волос.

– Тра-ля-ля, тра-ля-ля, – пропел он, потому что такие разговоры он и слушать не хотел.

– Эмиль, – уже строго сказала мама, – как ты будешь себя вести, когда пойдёшь в школу?

– Хорошо, – ответил Эмиль. – Думаю, что перестану проказничать… когда буду в школе.

Мама Эмиля вздохнула.

– Да-да, понадеемся на это, – сказала она и пошла к двери.

Но тут Эмиль поднял голову с подушки, обезоруживающе заулыбался и добавил:

– Но это не наверняка!

Да, я совсем забыла тебе рассказать, что не только мама, но и Лина была решительно против того, чтобы отправить Эмиля в Америку. Но, пожалуйста, не думай, что из любви к нему. Скорее наоборот. Вот послушай, как дело было.

Когда жители Лённеберги принесли маме Эмиля деньги, собранные, чтобы отправить Эмиля в Америку, мама, как ты помнишь, очень рассердилась.

– Эмиль прекрасный мальчик, – твёрдо сказала мама. – И мы любим его таким, какой он есть! Он никуда не поедет!

А Лина подтвердила:

– Конечно! Об американцах ведь тоже надо подумать. Они не сделали нам ничего плохого, за что же нам насылать на них Эмиля?

Но тут мама Эмиля строго и укоризненно на неё посмотрела, и Лина поняла, что сморозила глупость. Она добавила, пытаясь исправить положение:

– В газете писали, что в Америке было страшное землетрясение… Я считаю, что после этого отправлять к ним Эмиля нельзя. Это жестоко и несправедливо!

– Иди-ка ты, Лина, лучше коров доить, – сказала мама.

Лина взяла подойник, отправилась в хлев и стала доить так усердно, что брызги летели во все стороны. И при этом всё бормотала себе под нос:

– Должна же быть на свете справедливость. Нельзя, чтобы все беды разом обрушились на американцев. Но я готова с ними поменяться, я бы с радостью им написала: «Вот вам Эмиль, а землетрясение пришлите нам!»

Но она бесстыдно хвасталась. Куда ей писать в Америку – ведь её письмо и в Смоланде никто не мог разобрать. Нет уж, если кому писать в Америку, так это маме Эмиля. Она отлично умела писать и записывала все проделки Эмиля в синюю тетрадь, которую хранила в ящике стола.

«Чего ради ты это делаешь? – не раз спрашивал папа. – Только зря наш карандаш испишешь!»

Но маму это нимало не заботило. Она записывала все шалости Эмиля, чтобы он узнал, когда вырастет, что вытворял мальчишкой. И тогда он поймёт, почему его мама так рано поседела.

Только ты не подумай, что Эмиль был плохой – нет-нет, его мама говорила чистую правду, когда уверяла, что он прекрасный мальчик.

«Вчера Эмиль был выше всяких похвал, – писала она 27 июля в своей тетради. – За весь день ни разу не нашалил. Наверное, потому, что у него была высокая температура».

Но к вечеру 28 июля температура у Эмиля, видно, упала, потому что описание его проделок за этот день заняло несколько страниц. Эмиль был сильный, как бычок, и стоило ему чуть-чуть поправиться, как он начал проказничать пуще прежнего.

«Сроду не видела такого озорника!» – всё твердила Лина.

Ты, может, уже догадался, что Лина не очень-то любила Эмиля. Она предпочитала ему Иду, младшую сестрёнку Эмиля, славную, послушную девочку. Зато Альфред, как ты уже, наверное, понял, очень любил Эмиля, хотя никто не понимал, за что именно. И Эмиль тоже очень любил Альфреда. Им всегда было весело вместе, и когда Альфред бывал свободен, он учил Эмиля всевозможным вещам. Например, запрягать лошадь, или вырезать из дерева разные фигурки, или жевать табак – это, правда, было не очень-то полезное занятие, да Эмиль этому и не научился, только разок попробовал, но всё же попробовал, потому что хотел всё перенять у Альфреда. Альфред смастерил Эмилю ружьё. И ружьё это стало, как ты знаешь, любимой вещью Эмиля. А после ружья он больше всего любил – это ты тоже помнишь – свою плохонькую кепочку, которую папа как-то привёз ему из города. Потом, кстати, папа не раз об этом жалел.

«Я люблю мой ружарик и мой кепарик», – говорил Эмиль и всегда, когда ложился спать, клал с собой в постель ружьё и кепку. И мама его ничего не могла тут поделать.

Я тебе уже перечисляла всех жителей хутора Катхульт, а вот про Крёсе-Майю чуть-чуть не забыла. И вот почему. Крёсе-Майя, маленькая, худенькая старушка, жила, собственно говоря, в избушке в лесу, а не на хуторе, но часто приходила туда, чтобы помочь постирать бельё или приготовить домашнюю колбасу, а заодно и напугать Эмиля и Иду своими страшными историями про мертвецов, духов и привидения, которые Крёсе-Майя так любила рассказывать.

Но теперь ты, наверное, хочешь послушать про новые проделки Эмиля? Каждый день он что-нибудь да вытворял, если только был здоров, так что мы можем взять любой день наугад. Почему бы нам не начать хоть с того же 28 июля?

Понедельник, 28 июля,

когда Эмиль вылил тесто для па?льтов на голову своему папе, а затем был вынужден вырезать из дерева сотого смешного человечка

На кухне в Катхульте стоял старый деревянный диванчик, выкрашенный в синий цвет. На нём по ночам спала Лина. В те далёкие времена на кухнях во всех хуторах округа Смоланд стояли такие деревянные диванчики, на которых спали работницы. И в Катхульте всё было точно так, как везде. Лине очень удобно спалось на нём, и она никогда не просыпалась до звона будильника, который раздавался ровно в половине пятого утра. Тогда Лина поднималась и шла в хлев доить коров. Не успевала Лина выйти из кухни, как туда быстро входил папа Эмиля, чтобы выпить утреннюю чашку кофе в тишине и покое до того, как проснётся Эмиль.

«Как приятно, – думал папа, – сидеть одному за большим круглым столом и прислушиваться к птичьему щебету за окном да к кудахтанью кур. Как приятно, что не надо с опаской поглядывать на Эмиля!» Папа любил не торопясь попивать кофе, слегка раскачиваться на стуле и ощущать под босыми ступнями прохладные свежевымытые половицы, которые Лина выскребла добела. Папа Эмиля всегда ходил по утрам босиком, и не только потому, что ему это нравилось. Была у него и другая цель.

– Ты тоже могла бы быть побережливей, – сказал он как-то маме, которая, видно, из упрямства наотрез отказывалась ходить босиком. – Ты так неаккуратно носишь свои башмаки, что через десять лет наверняка придётся покупать новые.

– Наверняка! – произнесла мама таким тоном, что папе больше никогда не хотелось заводить об этом разговор.

Да я, кажется, уже говорила, что до звона будильника Лина обычно спала мёртвым сном, но вот однажды утром она, представь себе, проснулась до того, как зазвонил будильник. Это было 27 июля, в тот самый день, когда у Эмиля был жар. А теперь подумай, может ли быть что-нибудь ужаснее, чем проснуться от того, что у тебя по голове пробежала большая крыса? А это как раз и произошло с Линой. Она завопила не своим голосом и схватила кочергу, но крыса юркнула в какую-то щель и исчезла.

Папа Эмиля прямо из себя вышел, когда услыхал про крысу.

– Шутка сказать! – воскликнул он. – Да она же сожрёт у нас весь хлеб и всё мясо!

– И меня в придачу! – добавила Лина.

– Но главное – хлеб и мясо, – настаивал папа. – Нужно взять у соседей хорошую кошку и запереть на ночь на кухне.

Когда Эмиль услышал про крысу, он тут же стал придумывать способ её поймать. Мало ли что! А вдруг кошка промахнётся?..

Часам к десяти вечера температура у Эмиля упала, он почувствовал себя хорошо, и его так и распирало желание взяться за какое-нибудь полезное дело.

Весь Катхульт к этому времени уже спал крепким сном: папа, мама и маленькая Ида – в спальне, рядом с кухней; Лина – на синем деревянном диванчике на кухне; Альфред – в своей каморке. Свиньи спали в свинарнике, куры – на насесте, в курятнике, коровы – в хлеву, а лошади – в загоне. Не спал только один Эмиль. Он лежал, лежал, потом не выдержал, тихонько встал с постели и осторожно, чтобы не скрипнула половица, на цыпочках проскользнул на кухню.

Во тьме горели зелёные глаза чужой кошки.

– Сидишь без дела? – спросил её Эмиль. – Мучаешься?

«Мяу!» – жалобно подтвердила кошка.

– Тогда иди домой, – сказал Эмиль. Ведь он очень любил животных и не позволял их мучить.

Он тихонько приоткрыл дверь, и чужая кошка пулей выскочила во двор.

Итак, кошка ушла к себе домой, а крыса осталась тут. Значит, её надо было поймать во что бы то ни стало. Эмиль достал из ящика мышеловку, отрезал маленький кусочек сала и нацепил его на крючок. Сперва он решил поставить мышеловку возле двери чулана. Но потом передумал. Он рассуждал так: если крыса выглянет из двери чулана и сразу увидит капкан, она испугается и станет очень осторожной, и тогда поймать её не удастся. Лучше дать ей спокойно побегать по кухне, порезвиться – она заиграется, перестанет бояться и тут-то угодит в мышеловку. Он даже сперва решил поставить мышеловку Лине на голову, раз она говорила, что эта наглая крыса пробежала у неё по голове, но тут же отказался от этого плана – Лина могла проснуться и испортить всю охоту.

Надо найти другое место. Лучше всего, пожалуй, поставить мышеловку под обеденный стол!

Крыса знает, что там всегда найдёшь хлебные крошки, но только, конечно, не возле папиного стула – папа не из тех, кто уронит хоть одну крошку.

«А что, – подумал Эмиль, – если крыса во время обеда тихонько подкрадётся к папиному стулу и, не обнаружив ни крошки хлеба, примется глодать большой палец папиной ноги!» Нет, он этого не допустит! И Эмиль решительно поставил мышеловку под стол, как раз там, где обычно находятся папины ноги.

Потом Эмиль лёг в постель и заснул, довольный собой. Когда было уже совсем светло, его разбудил ужасный крик. «Это они, наверно, вопят на радостях, что поймали крысу!» – решил Эмиль.

Но тут в комнату вбежала мама. Она выволокла Эмиля из постели и зашептала ему на ухо:

– Немедленно отправляйся в сарай и не попадайся папе на глаза, пока он не вытащит из мышеловки большой палец. Не то ты пропал, это точно!

Она схватила Эмиля за руку и потащила его из комнаты, в чём он был, а был он в ночной рубашке. Времени одеться решительно не оставалось.

– Без ружарика и кепарика не пойду! – закричал Эмиль и заметался по комнате в поисках этих двух предметов первой необходимости. Наконец всё было найдено, и он помчался к сараю так прытко, что рубаха на нём трепетала, словно флаг на сильном ветру.

Ты, конечно, помнишь, что в сарае Эмиль отсиживал всякий раз, когда попадался с какой-нибудь шалостью. Мама сразу же задвинула засов, чтобы он не вырвался на волю. А сам он заперся изнутри, чтобы к нему никто не проник. Так что все предосторожности были соблюдены. Мама считала, что необходимо уберечь Эмиля от гнева отца.

Эмиль думал то же самое. Поэтому он заперся, уселся на бревно и стал вырезывать из деревянной чурочки очередного смешного человечка. Ты ведь

уже знаешь, что этим делом он занимался всякий раз, когда его в наказание запирали в сарай. Уже девяносто семь человечков аккуратно стояли на полке, прилаженной вдоль стены сарая. Эмиль с удовольствием разглядывал свои маленькие деревянные скульптуры и думал, что не пройдёт много времени, как их накопится здесь целая сотня, а это уже кое-что! Вроде юбилея!

«Тогда я устрою здесь, в сарае, пир на весь мир, но приглашу одного только Альфреда», – решил Эмиль, сидя на бревне с перочинным ножиком в руках.

Издалека до него доносились крики отца, но вскоре они смолкли. Потом вдруг раздался какой-то тонкий, пронзительный визг. И Эмиль испугался, почему-то решив, что это визжит сестрёнка Ида, но тут же вспомнил, что сегодня было решено заколоть свинью. Конечно, это визжала свинья. Для неё 28 число оказалось таким несчастливым… Впрочем, не для неё одной.

К обеду Эмиля выпустили на свободу. Не успел он войти на кухню, как к нему бросилась сияющая сестрёнка Ида.

– А на обед будут па?льты!.. У нас на обед будут пальты!.. – вопила она.

Спорим, ты не знаешь, что такое п-а-ль-ты! По виду это что-то вроде больших клёцок, но они бурого цвета и начинены кусочками свиного сала. А по вкусу напоминают кровяную колбасу, только в тысячу раз вкуснее. Вот что такое пальты!

Мама стояла у кухонного стола и мешала в глиняной миске тесто для этих самых пальтов, и вода кипела в кастрюле на печке, чтобы их варить. Значит, на обед и вправду будут эти бурые клёцки, похожие на кровяную колбасу, только в тысячу раз вкуснее.

– Спорим, что я съем восемнадцать пальтов, – расхвасталась маленькая Ида, хотя, поглядев на неё, трудно было предположить, что она справится и с одной половинкой.

– Чего зря спорить, – сказал Эмиль. – Папа тебе всё равно не позволит… Кстати, где он?

– Лежит во дворе, отдыхает, – ответила Ида.

Эмиль поглядел в кухонное окно, увидел, что в самом деле отец его лежит на травке как раз под окном, и удивился: обычно он отдыхал после обеда, сидя в кресле.

«Сегодня, видно, он очень устал, – подумал Эмиль. – Человек, попавший в мышеловку, наверное, всегда так устаёт».

Эмиль сразу же заметил, что у папы обута только одна нога. Но Эмиль знал, что его папа славится своей бережливостью – он, может быть, решил с сегодняшнего дня снашивать подмётку только на одном башмаке, а на другом беречь. Но потом Эмиль разглядел на большом пальце босой папиной ноги ужасный кровоподтёк. И тогда он всё понял. Эта проклятая мышеловка так стукнула папу по пальцу, что теперь он не может надеть на ногу башмак. Эмилю стало стыдно, что своей дурацкой охотой на крысу он причинил папе боль, и ему захотелось тут же сказать папе что-нибудь очень приятное. Он помнил, что пальты – самое любимое папино блюдо, и потому, схватив со стола миску с тестом для пальтов, высунулся с ней в окно.

– Гляди, пап, – радостно крикнул он, – что у нас сегодня на обед! Пальты!

Папа не спеша сдвинул шляпу, которой прикрыл лицо, и мрачно взглянул на сына. Было ясно, что он всё ещё не забыл про мышеловку. И Эмилю ещё больше захотелось во что бы то ни стало хоть чем-нибудь порадовать папу.

– Ты только погляди, сколько тут в миске теста! – И он чуть ли не весь высунулся из окна, вытянув перед собой тяжёлую миску…

Ты верно сообразил! Эмиль не удержал миски! Она выскользнула у него из рук, перевернулась в воздухе, и всё тесто, приготовленное для пальтов, шмякнулось прямо на голову папе, который, как ты уже знаешь, отдыхал на траве под окном.

– Б-л-у-р-п! – только и произнёс папа, потому что вряд ли кто-нибудь на свете сможет произнести что-нибудь другое, когда у него и глаза, и рот, и нос густо залеплены жирным тестом для пальтов. Папа разом вскочил на ноги и, несмотря на кляп из теста во рту, взревел так страшно и громко, что, наверное, было слышно на самом дальнем конце Лённеберги. Миска плотно сидела у него на голове, словно шлем викинга, а с его носа медленно стекало густое тёмное тесто.

Как раз в этот миг из прачечной вышла Крёсе-Майя. Она промывала там свиные кишки для набивки колбас. Когда она увидела папу Эмиля с лицом, залитым тёмной кровавой массой, то завизжала не своим голосом и со всех ног бросилась в деревню разносить эту страшную весть.

На визг Крёсе-Майи из коровника выбежала Лина, увидела папу Эмиля и завопила как оглашенная:

– Караул! Этот разбойник пристукнул своего отца! Беда! О-о-о!

Когда же мама Эмиля увидела, что случилось, она первым делом схватила сына за руку и прямым ходом потащила его назад, в сарай. Эмиль, всё ещё в одной рубашке, снова уселся на бревно и принялся вырезывать очередную смешную фигурку, а его мама в это время старательно очищала голову и лицо папы от налипшего теста для пальтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/astrid-lindgren/priklyucheniya-emilya-iz-lennebergi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити